

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-11-29

УДК 94

М.В. Моисеев

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Опасные дороги: степные маршруты русских дипломатов в XVI в.

В статье на основе посольских документов исследуются обстоятельства путешествия посольских караванов через степную зону, которая географически ограничена Днепром и Волгой. Вне внимания оставлен Волжско-Уральский регион. Исследование опирается, в первую очередь, на изучение посольских отчетов. Именно поэтому подробно рассмотрен процесс развития отчетов в русской посольской практике: от кратких устных сообщений до подробных письменных сообщений. Особое внимание уделено криминальной экономике, вовлеченности в нее разных групп пограничного населения. Показаны препятствия в пути, вызванные природными условиями, климатическими изменениями. Рассмотрены случаи, когда посольства или группы гонцов были вынуждены преодолевать степные просторы пешком или на лыжах. В статье показано, что степная зона на протяжении конца XV–XVI вв. оставалась зоной повышенной опасности. Источники фиксируют, что Дикое поле не было «пустым», «ничейным» местом. Здесь постоянно курсировали посольские и купеческие караваны, отряды татар, ногаев и русских. Кочевали татары и ногаи, передвигались неустановленные лица и беглые полоняники. В ряде случаев документы фиксируют климатические изменения, вызванные малым ледниковым периодом. Это проявлялось в обильных снегах и длительном сковывании льдом снежного

© Моисеев М.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

наста и поздним ледоходом на реках. Проведенное исследование показывает, что в условиях слабой освоенности степного региона, низкой плотности городской сети добиться безопасности движения посольств и купцов было невозможно.

Ключевые слова: посольские книги, посольский обычай, посольский отчет, статейный список, русско-турецкие отношения в XVI в., русские послы в конце XV и в XVI в., гонцы, «сурожане», криминальная экономика в русском степном приграничье XVI в., Азов, Каффа

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Моисеев М.В. Опасные дороги: степные маршруты русских дипломатов в XVI в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 11–29. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-11-29

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-11-29

M.V. Moiseev

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Dangerous roads: Steppe routes of Russian diplomats in the 16th century

Based on the embassy documents, the article examines the circumstances of the embassy caravans traveling through the steppe zone, which is geographically bounded by the Dnepr and Volga rivers. The Volga-Ural region has been left out of the spotlight. The study is based primarily on the study of embassy reports. That is why the process of developing reports in Russian embassy practice is considered in detail: from brief oral reports to detailed written reports. Special attention is paid to the criminal economy and the involvement of various groups of the border population in it. The obstacles in the way caused by natural conditions and climatic changes are shown. The cases when embassies or groups of messengers were forced to cross the steppe expanses on foot or on skis are considered. The article shows that the steppe zone during the late 15th – 16th centuries remained a high-risk area. Sources record that the Wild Field was not

an “empty”, “no man’s land”. Embassy and merchant caravans, detachments of Tatars, Nogais and Russians constantly plied here. Tatars and Nogai roamed, unidentified persons and fugitive migrants moved. In some cases, the documents record the climatic changes caused by the Little Ice Age. This manifested itself in heavy snow and prolonged ice-encasing of the snow formation and late ice drift on the rivers. The conducted research shows that it was impossible to achieve safe movement of embassies and merchants in conditions of poor development of the steppe region and low density of the urban network.

Key words: embassy books, embassy custom, embassy report, stateynyi spisok, Russian-Turkish relations in the 16th century, Russian ambassadors in the late 15th – 16th centuries, messengers, “sourozhan”, criminal economy in the Russian steppe borderland of the 16th century, Azov, Kaffa

CITATION: Moiseev M.V. Dangerous roads: Steppe routes of Russian diplomats in the 16th century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 11–29. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-11-29

Одной из особенностей дипломатии в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени было отсутствие системы работающего международного права, которое бы действительно защищала персону посла и его окружения от агрессии на всем протяжении дипломатических функций от пункта отправления до пункта назначения. Избиения, ограбления, заточение в тюрьму – все это нередко случалось с послами уже на месте службы, но все-таки наиболее опасным было само путешествие. Опасность таила в себе природа: штормы, снегопады, сильные ветра, мороз или, наоборот, сильная жара, эпидемии могли до крайности затруднить путь следования посольскому каравану.

Русский посол в Османскую империю Б. Благово так вспоминал свое плаванье ноябрьским Азовским и Черным морями в Каффу: «и носило морем от Азова до Кафы четыре недели да три дни и карабля мало не разбило»¹. Каспийская навигация была не менее опасна. Русский посол в Сефевидское иранское государство в 1588–1589 гг. Г.Б. Васильчиков, вспоминая об обстоятельствах возвращения из Ирана в Россию Каспийским морем, сообщал следующее: «...шли есмя, государь, морем от Гилян до Асторахани восемь недель, а на море, государь, нас ждали турецкие люди меж Баки и Гилянские земли и туркменсково пристанища на острове, на Рудоносе, и отъезжая по морю на дву каторгах,

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 363.

да на две стругех. Да приходили, государь, на нас на море туркменские люди и у бус² наших сандал у нас отбили. А в другой ряд, государь, приходили на нас те же туркменские люди в осми сандалех, щиты поделав на судех, и к бусе приступали и с нами, государь, билися, и мы, государь, з бусы побили их в сандалех людей многих и отошли от них здорово»³. Осенняя навигация на Каспии была весьма опасной. Посол в Бухарское ханство И. Хохлов (1620–1622) вспоминал, как их буса попала в шторм и ее выбросило к мысу Тюб-Караган (в этих местах ныне находится г. Форт-Шевченко). Корабль разбился, значительная часть припасов погибла, а что осталось, в значительной степени было испорчено морской водой [6, с. 65]. Сильная жара могла вызвать серьезные болезни членов посольства. Из-за «огненной немощи» вымерло почти все посольство арзамасского наместника кн. В.В. Тюфякина⁴. Однако при всех опасностях водного пути, путь сушей, особенно через степь, оставался наиболее опасным и сложным.

Целью нашего исследования будет рассмотрение степных маршрутов движения русских послов. Однако это весьма большой регион, поэтому мы ограничим его междуречьем Днепра и Волги, случаи же из Волжско-Уральского междуречья будем приводить время от времени как примеры общности проблем, с которыми сталкивались посольские караваны.

Для решения поставленной цели нам необходимо решить несколько задач:

- 1) проанализировать источниковедческое значение отчетов русских послов;
- 2) рассмотреть казусы криминального воздействия на посольские караваны;
- 3) изучить разные способы передвижения послов и гонцов через степи.

Прежде чем перейти к изложению материала, необходимо сделать методологическое отступление. Дело в том, что сведения об обстоятельствах путешествия сохранились преимущественно в отчетах послов – «отписках» или статейных списках. Этот тип документа появился во внешнеполитической документации не сразу. Первоначально он имел устный характер. Затем отчеты стали письменными и пересылались

² Бус, производное от «буса – большая долбленая лодка, однодеревка, с острым носом, отрубистою кормой и округлым дном, большею частью с наделками, набоями, насадами, т.е. с набивными досками по бортам» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2006. Т. 1. А–З. С. 214).

³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. I. Царствование Федора Ивановича. СПб., 1890. С. 7–8.

⁴ Там же. С. 432–435.

в Москву в ходе исполнения миссии. Ранние такие грамоты фиксируются в 1495 г., когда послы вел. кн. Ивана III Васильевича кн. С.И. Ряполовский и боярин М.Я. Русалка отчитывались о ходе венчания его дочери княжны Елены и литовского князя Александра Казимировича. Уже в 1518 г. появляется посольский список, имевший характер заключительного отчета. Это был список посла в Священной Римской империи германской нации В. Племянникова. Однако вплоть до 1560-х гг. преобладающей формой посольской отчетности были грамоты с «вестями», но с 1560-х гг. итоговые отчеты все чаще фиксируются в посольской документации [10, с. 325–328⁵].

Отчетная документация русского посольского ведомства включала в себя такие типы документов, как статейный список, вестовой список и вестовая отписка. Статейный список – это итоговый отчет, сдаваемый по возвращению дипломата. Вестовым списком являлся промежуточный отчет, который посылался в Москву во время осуществления миссии, вестовая отписка – это ситуативное донесение в случае получения важной информации [11, с. 21–22]. В историографии уже установлено, что статейный список создавался на основе вестовых списков и отписок, сведения которых подвергались существенному сокращению [9, с. 59–78]. К сожалению, далеко не от всех миссий сохранились отчеты, а в сохранившихся не всегда подробно фиксировались обстоятельства пути следования. Поэтому информация имеет мозаичный характер и ее анализ возможен только в рамках кейс-анализа, т.е. изучения конкретных случаев.

Путешествия русских послов XVI в. только недавно стали исследовательской проблематикой и исследуются преимущественно в рамках филологии и литературоведения. П.В. Алексеев относит посольские отчеты и «хождения» к первым русским ориентальным травелогам [3, с. 38]. Б.В. Кричевский исследовал образ Константинополя у русских. В этой работе статейные списки использованы довольно скудно и не они были главным источником. Автор писал, что в статейных списках почти отсутствуют описания этого города. И объяснял это тем, что «после того, как Константинополь “обасурманили”, проявлять какое-либо внимание к его достопримечательностям считалось почти кощунственным» [8, с. 56]. В целом, на этом историографию путешествий русских послов на Восток в XVI в. можно завершить.

⁵ Часть текста (с. 325 – середина с. 328) о рождении и эволюции отписок – статейных списков в общей статье Д.С. Лихачева о повестях русских послов была написана Я.С. Лурье.

Впервые в посольской книге по связям с Крымским ханством кн. В. Ромодановский рассказал о ходе своей миссии в 1491 г., но считать это полноценным посольским отчетом нельзя, т.к. он не сообщал ни о обстоятельствах своего путешествия, ни о возникших происшествиях. Князь сосредоточился на изложении непосредственно хода миссии, а также оперативной информации о событиях в степи и отношениях между постордынскими государственными образованиями⁶.

Впрочем, происшествия в степной зоне фиксируются и другими источниками. Например, вел. кн. Иван III отправил послу кн. Ромодановскому 21 июня 1491 г. грамоту следующего содержания: «Бил ми челом Митя Саларев, а сказывает, что шол из Перекопи с Дмитрием с Шеиным, да наняв де татарина Бурнаша везти своей рухляди в дву сумках в пансырных; а рухляди его сказывает было в тех сумках на тридцать рублей на кафинскую, шолковой рухляди да калья краски, да перевозилися деи Дон, ино деи с тою рухлядью уплыл на плоте Сидяк татарин базарець, да ту рухлядь похоронил, да сам деи был в Азове, да идучи из Азова ту рухлядь поймал да и в Перекоп привез. И ты бы от меня царю Менли-Гирею молвил, чтобы тому татарину Сидяку велел моему человеку Мите ту рухлядь отдати, чтобы в том мой человек не изгибл»⁷. Здесь изложена история банальной кражи, но почему для урегулирования этой ситуации вмешался великий князь?

Во-первых, купцы всегда совершали свои торговые путешествия вместе с послами, поэтому нападения на купцов подразумевали и нападения на посольство. Во-вторых, заинтересованность в этом происшествии Ивана III кроется в персонах участников. Дело в том, что Сидяк (Саид-Ахмед) был не простым татаринцом с криминальными наклонностями, а являлся базарцем, т.е. купцом, причем можно полагать, что в источнике просто не полностью прописано слово «ордобазарець». Ордобазарцы являлись привилегированными торговцами и непосредственно обслуживали хана и других аристократов. Митя же Саларев происходил из довольно влиятельной семьи гостей-сурожан. Его предки участвовали в Куликовской битве, Гавриил Саларев одолжил удельному князю Андрею Васильевичу крупную сумму в 300 руб., что оказалось зафиксировано в духовной должника в 1481 г., а Федор Саларев продал Дмитрию Ховрину в 1491–1492 гг. деревню Красулинскую в Подмосковье [2, с. 680–681; 17, с. 149–153; 20, с. 92]. Купеческая семья Саларевых в конце XV в. была достаточно влиятельной и близкой ко двору.

⁶ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 112–114.

⁷ Там же. С. 117–118.

В 1488–1489 гг. Фома Саларев был в Риме⁸. Фома и Гавриил Саларевы входили в число тех сурожан, кого вел. кн. Иван III переселил в Великий Новгород для укрепления своей власти [5, с. 33–34]. Все это указывает на довольно тесные связи семьи Саларевых с великокняжеским двором, поэтому участие великого князя в деле о возмещении убытков, понесенных Дмитрием Саларевым, более чем логично.

В целом для периода конца XV в., по всей видимости, характерно сохранение устной формы отчета. Отталкиваясь от скурых данных источников, мы можем реконструировать схему коммуникации между послами и великим князем: по завершению миссии дипломат сообщал об основных событиях в ходе осуществления миссии, после чего власти принимали определенные решения. Например, если посол пострадал от нападений и грабежа, то составлялась грамота к тому правителю, подданные которого были виновны в происшествии, с требованием возместить убытки и покарать преступников.

Так, например, крымские татары не раз нападали на русских послов, ехавших к волошским господарям. В 1497 г. Иван III на это специально указал хану Менгли-Гирею в своей грамоте: «Посылал есми к Стефану, к воеводе к волошскому, посла своего Ивана Ощерина. И тот наш посол Иван ныне к нам приехал; и сказывал нам, что зимусь твои люди его пограбили, которые ходили воевати Ляцкие земли, да и волошского посла с ним пограбили, что ни было у них их рухляди, да и кони: и платье, то у них все взяли, а сами от них толко головами поутекали. И Стефан воевода о том грабеже и посылал к тебе: и ты иное не великое сыскав да и отдал, а болшей грабежь весь и ныне у твоих людей. А и наперед того наш посол Иван Субота ехал из Волох, ино его на Днепре Черкасци пограбили и твои люди у тех Черкасцов тот грабеж нашего посла Иванов весь отняли; и наш посол и бил тебе челом, и ты и хотел велети отдати, да того ему грабежу ничего не воротилося. И яз к тебе и приказывал с своими боары, что будет того грабежу в лицах, и ты бы то велел отдати; и что того грабежу и в лицах было, и ты и того не велел отдати. Ино сам и поразумей, гораздо ли так чинитца от твоих людей нашим людям? Другу или недругу что слышети? Сами есмя в братстве и в любви,

⁸ Фома Саларев упоминается в «Повести о белом клобуке» как московский гость, с которым Дмитрий Ралев передал это сочинение, добытое им в римской библиотеке, новгородскому архиепископу Геннадию (см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцию Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. I. СПб., 1860. С. 288). Впоследствии с именем этого купца в историографии произошел курьез. И.Х. Гамель, опираясь на текст повести, называет его Фомой и указывает, что в разных ее вариантах его фамилия искажалась [7, с. 175]. В монографии А.Л. Хорошкевич этот купец превращается в Семена, хотя исследовательница опиралась на текст Гамеля [22, с. 49]; а вот В.Б. Перхавко указывает его как Фому, но при этом ссылается на А.Л. Хорошкевич [17, с. 151]. Впрочем, не исключено, что сообщения о Фоме Салареве имеют легендарный характер.

и люди твои такие дела делают. И яз к тебе и ныне приказывал с своим боарином со князем с Иваном, что будешь сыскал Суботина грабежу, и ты бы то отдал брату его Михайлу. И ты бы, брате, и ныне то отдал Михайлу что будет в лицах, нас для. А нынешней грабеж посла нашего Иванов Ощерина, и ты бы у своих людей велел сыскати да отдати боарину нашему князю Ивану. А вперед бы еси заказал своим людем, чтобы нашим людем от твоих людей такого лиха не было»⁹.

Подобные претензии не оставались без ответа. Так, например, подьячий Юшка в августе 1498 г. в устной форме изложил Ивану III обстоятельный ответ на серию обвинений его подданных в грабежах русских подданных, включая нападение на русского посла в Молдавию И.А. Субботу-Плещеева¹⁰. Впрочем, усилия правительств имели ограниченный успех, и в ряде городов процветала перепродажа краденного. Так, подьячий Юшка в Каффе обнаружил в погребке армянина Харандуна двух крымских татар, которые продавали соболей, украденных у Ивана Ощерина¹¹.

Крупнейшим центром не только работоторговли, но и криминальной экономики вскоре стал Азов [19, с. 205–206]. В 1540–1460-х гг. в Азове успешно на криминальной ниве подвизалась семейная шайка двух братьев – Ахмеда и Али: «Днем и ночью они заняты обманом и мошенничеством» [16, с. 112]. Причем эти братья не были представителями социальных низов и маргиналами. Ахмед был кетхудой воинов азовского гарнизона, владел тремя домами в Венецианской крепости¹², вместе с братом они владели стационарной ловлей рыбы, Али одно время был комендантом Темрюка [Там же, с. 110–113]. Попытки османских властей навести здесь порядок имели ограниченный и временный успех [14, с. 179; 15, с. 184–185;

⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 240.

¹⁰ Там же. С. 253–255. В официальной летописи указывается, что грабили «татарове ординские» казаки (см.: Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 12. С. 287). То есть вина возлагалась не на крымских татар, а на татар Большой Орды.

¹¹ Установить это позволило то, что на этих соболях была написана их принадлежность: «от великие княгини от Олены Степанову воеводину сыну Александру». В русской посольской практике соболя, шедшие в «поминках», обязательно подписывались и печатались казначеем: «А которые с ними соболи посланы, и те соболи все подписаны ж, кому которой соболю дати; а печать у соболей Дмитрея ж Володимерова» (см.: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 310, 352). Эти соболя входили в состав «поминоков» – посольских даров, которые отправил Елена Волошанка своему брату Александру в Молдавское государство. Александр (как и Елена) – ребенок от брака молдавского господаря Стефана Великого и Евдокии Олелковны, одно время рассматривался как преемник отца на престоле.

¹² Османский Азак (Азов) делился на несколько частей. К 1540-м гг. город имел четырехчастную структуру: две Венецианские крепости (внутреннюю и внешнюю) и Генуэзскую каменные крепости и Земляную крепость, которая представляла собой предместье [1, с. 238].

16, с. 110–113; 19, с. 206]. В немалой степени это объясняется тем, что объемы криминальной экономики были весьма значительны. Только за несколько лет конца XV в. общая сумма грабежей, по подсчетам В.Е. Сыроечковского, составила более 7612 руб. [20, с. 78].

Однако нападения на посольства совершались не только с целью грабежа. В ряде случаев можно полагать, что нападавшие преследовали политические цели. На рубеже XV–XVI вв. терроризировали русские посольства Угуз-Черкас и Карабай. 17 апреля 1500 г. их отряд напал на посольство кн. И.С. Кубенского «и грабиша их на Поле, а иных гостей полониша, а иных побиша»¹³. Сам же князь это событие описывал несколько подробнее и отлично от летописного текста. Напали на посольский караван 150 азовских казаков и 50 заволжских (большеордынских), возглавляли их Караман (азовский отряд) и Ак-Кубек (большеордынский). Отряд охраны и великокняжеские гонцы – служилые татары – приняли бой, смогли вырваться и достичь Крымского ханства. Очевидно, им пришлось отбиваться вплоть до Перекопа. Кубенской сообщает об этом следующими словами: «с бою пришли со мною в орду»¹⁴, а вот списки «поминков» – посольских даров утонули при спешной переправе через неизвестную речку.

Это нападение встревожило и крымского хана Менгли-Гирея, и он отправил за нападавшими погоню, но те уже скрылись в османском Азове. Там они распродали краденное (из упомянутого в грамоте – шуба сокольника), а также пленников: толмача Михаила, Копыла Боброва брата¹⁵, всего 50 человек. Часть пленников все же убежала в степи.

¹³ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 12. С. 250.

¹⁴ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 321.

¹⁵ И Копыл, и Бобер – все это гости-сурожане. Бобер в это время уже вполне авторитетный представитель этой корпорации, а вот Копыл, очевидно, только начинал свою карьеру. По поздним данным можно полагать, что Копыл в итоге был выкуплен из плена, судьба остальных полоняников не ясна. Сведения о пленных участниках посольского каравана и имуществе см.: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 332–335. Василий Бобр известная и авторитетная личность. Его двор стоял в московском районе Зарядье на Большом посаде, именно с его двора начался пожар 1500 г., в 1507 г. ему было поручено организовать в Великом Новгороде «торги и ряды», а улицы «розмерити по-московскы» (Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 136). В новгородских летописях его называли боярином. В 1514 г., видимо, недалеко от своего двора он (вместе с братьями Вепрем и Юшкой) ставит каменную церковь Святой Варвары, архитектором церкви был Алевиз Фрязин. Копыл, его брат, известен под прозвищем Спячий, и его двор тоже располагался в этом районе [21, с. 114] (см. также: Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 136; Там же. Т. 8. СПб., 1859. С. 240, 255). Не исключено, что Бобр имел земли в Дмитровском уезде. В разрезной грамоте вел. кн. Ивана Васильевича с кн. Юрием Ивановичем от 16 июня 1504 г. упоминаются как собственники земли Юрий Иванович и Василий Бобровы. У Василия Бобра известен брат Юшка – Юрий. Если это так, то отец у них был Иван (см.: Духовные и договорные грамоты. М.; Л., 1950. С. 391–392).

Учитывая, что Азов являлся османским владением, то Менгли-Гирей направил посольство к кафинскому наместнику Мехмеду-шахзаде. Мехмед отреагировал на эти известия жестко: «послал, государь, салтан из Кафы в Азов дву человек добрых, а велел деи паша шубашей азовских переимати, которые тем татаром норовили и рухлядь у них покупали, а казну деи, государь, велел твою всю по правде сыскать да к себе в Кафу привезти»¹⁶. Четырех пленников, уже купленных одним турком в Азове и привезшим их в Кафу, отпустили к русскому послу безвозмездно¹⁷. Впрочем, уже через год все те же Угуз-Черкас и Карабай вновь напали на русских послов: «грабиша на Поле на Полузоровском перелеске великого князя послов, князя Феодора Ромодановского да Андрея Лапенка, – и Андреи тамо и скончался, – и гостей многих пограбиша»¹⁸.

Интересно, что в посольской документации история с нападением на посольство князя Ромодановского изложена иначе, чем в летописи. Приведу посольскую версию полностью: «Да здесе пришли к нам татарове, которые были поиманы с нашим послом, со князем с Феодором Ромодановским; и они сказывают, что нашего посла поимали князя Феодора, да с ним его шесть человек, да толмача нашего Илейку самого третьего, да дву наших людей ординцов, которые поминки везли, да нашего человека путивльца, да татарина нашего Карачюрина человека Петреца, да повели деи их всех в Азов. А имали деи их Азовские татарове Кудайчик, да Садылла, да Индырчей, да Даньяр, да Кара, да шубаша азовского толмач, да два турчанина, живут в Азове ж; да ординские татарове Саиндый да Карачя Багатырь, а всех деи их было сто и сорок человек. Ино ты брат наш сам ведаешь, как ти их доставати, занже они на твоём пути поиманы»¹⁹. Итак, отряд, напавший на послов, вновь состоял из большеордынцев и азовских казаков, но в нем приняли участие два турка и толмач азовского коменданта (шубаши), так что можно говорить об участии в этих бандитских акциях представителей османской местной администрации. Но, что весьма любопытно, исходя из текста послания, случилось это на той части маршрута, безопасность которого должен был обеспечивать крымский хан. Следовательно, мы можем полагать, что в рамках русско-крымских отношений были выработаны принципы обеспечения безопасности посольских миссий, когда часть пути охранялась русскими властями, а часть крымскими. Очень жалко,

¹⁶ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 321.

¹⁷ Там же. С. 322.

¹⁸ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 12. С. 253.

¹⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 349.

что конкретных географических данных об этих коридорах безопасности не сохранилось (или мы их пока не выявили)!

Однако предпринимаемых мер было недостаточно. Нападения эти были подготовлены, грабители поджидали посольства в течение трех месяцев²⁰. Учитывая, что в этих акциях активное участие принимали большеордынцы, можно полагать, что тем самым Большая Орда пыталась перерезать пути сообщения между Московским государством и Крымским ханством и, как следствие, затруднить координацию союзнических действий против нее.

Конечно, всплеск криминала в степной зоне отчасти был связан с агонией Большой Орды и образованием здесь большого количества вольных сообществ казаков, для которых грабеж был способом выживания. Но свести объяснение проблемы только к этому нельзя. Дело в том, что, кроме ордынцев, выбитых из привычной жизни, в нападениях принимали участие и крымские аристократы, и представители османского гарнизона Азова, а позднее и русские казаки. Поэтому даже после коллапса Большой Орды и относительного успокоения международных отношений в этом регионе нападения на посольские караваны продолжались с заметной регулярностью. Рассмотрим некоторые кейсы, выявленные в русско-турецкой посольской документации.

Казус с посольством Камал-бека, 1514 г.

Грамоты русского посла Михаила Ивашова сына Алексева вел. кн. Василию III Ивановичу содержат информацию о сложностях пути к русским границам. Надо отметить, что эти сведения изложены Алексеевым несколько путанно. Попробуем обобщить сведения из двух посланий и реконструировать ход событий. В первой грамоте он сообщает следующее: «Бог нас донес до Усмани поздраву. А идет к тебе ко государю посол Кал-бег от салтан-Салим-хонкеря от брата твоего и от друга, и яз холоп твой с ним же сухою головою. А что ни было животца чюжего и своего, а то на Дону, на Литве оставлено, везли турки и татарове, да пометали. И яз холоп твой оставил с нею шесть человек, а сухою головою пеш с ним шол; а всех нас, государь, тритцать человек. А пошли есмя, государь, на Федорове неделе в четверг, как, государь, люди голодни и истомны, так ся лошадок не осталось ни у кого коей служить»²¹. Второе послание дополняет первое: «Провожали, государь, азовские татарове Камал-бега посла Хонкерева да Дерт-Кульяка Бийсуф

²⁰ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 322.

²¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 7 об.

с товарищи, а сниматься им верх Сосны; а взяли с собою Михаля Камаретцкого в вожи, а их с четыреста. А пойти им на села на две Знаби, а от Знобей на Росоднов, от Росодного на Войкина, от Войкина на Бологин, от Бологина на Бирину, от Бирина х Хотешину на Северьские села, в том и нас туде не вели; и тебе бы государю сведомо было»²².

Итак, путь свой посольство начало на Фёдоровой неделе в четверг, т.е. на первой неделе Великого поста. В 1514 г. Великий пост длился с 27 февраля по 15 апреля. 27 февраля в 1514 г. приходилось на понедельник, следовательно, четверг – это 2 марта. Однако в завершение Алексеев пишет, что посольство путь искало 6 месяцев, а послание датировано 14 апреля 1514 г. Получается, что свое путешествие они начали еще в октябре 1513 г. Камал же в своей грамоте великому князю указывает, что покинули они Константинополь 1 августа!²³ Скорее всего, Алексеев в своем письме начинает отсчет времени пути после того, как они покинули Азов, т.к. он пишет о поиске пути, что естественно при движении по суше, тогда как мы знаем, что сообщение между Константинополем и Азовом чаще всего шло по воде: на галерах до Каффы (Кефе), а затем в Азов. А вот уже от Азова путешествие было сухопутным.

Хотя ни Михаил Алексеев, ни Камал не пишут прямо о том, что они вышли из Азова, но упоминаются «азовские татарове», которые их сопровождали. Что же привело к тому, что посольский караван 6 месяцев искал пути в степи до русских границ? Объяснение этому кроется в несколько туманных сообщениях русского посла, о том, что эти «азовские татарове» шли на Северщину и конечной точкой их движения должна была стать р. Сосна, правый приток Дона, но в итоге послы оказались на левом притоке Дона – Усмани. Михаил же вспоминает, что имущество, которое было с ними, они оставили «на Дону, на Литве»²⁴. Если точнее, то оно было брошено татарами.

После этого русский посол оставил для охранения брошенного «живота» шесть человек, а сам с Камалом и с оставшимися людьми продолжил путь пешком. Всего их было 30 человек. К этому времени из-за трудности пути и голода они потеряли лошадей («лошадок не осталось ни у кого коей служить»). Очевидно, что именно это пешее странствие без проводников и заняло у них полгода. Уже на Усмани они встретили двух яранцев – Давыдка и Сухого. Эта встреча оказалась для

²² Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1.Л. 8 об.

²³ Там же. Л. 8, 9.

²⁴ Там же. Л. 7 об.

послов и их свиты спасительной. Не исключено, что от них они получили коней, что дало возможность отправить гонцов, которые прибыли в Рязань. В конечном счете в Москве узнали об отчаянном положении послов. Сам Камал писал, что они «...больши чаем смерти нежели живота»²⁵.

Казус Дмитрия Быка Степанова

Весной 1517 г. при московском дворе приняли решение отправить к османскому падишаху посланника Митю Быка Степанова рязанца и отправили его в Рязань. В апреле подготовили комплект посланий и инструкцию («память») и отправили вдогонку с И. Щокиным-Меньшим. Приехав в Рязань, Митю Быка он уже не застал. Тот, не дожидаясь документов, поехал в Степь через три недели после Пасхи. В 1517 г. она приходилась на 12 апреля (старого стиля), следовательно, покинул он Рязань в начале мая. Путешествие его оказалось недолгим: «И Митю Степанова на Дону татарове убили, до салтана не дошел»²⁶.

Путешествие гонцов И.С. Морозова-Брюхова, 1524 г.

«А как Миша (Тверетин) пошли из Крыму, всех их четыре человеки; и как пришли на Конскую воду в четвертой день от Крыма, а с ними осмеро лошадей, и тут их татарове розгоняли, – они сами за реку пеши перешли, а лошадей лед не поднял, и они лошади пометали за рекою. И татарове лошади поймали, а за ними за реку не полезли. А угадывают, что их розгоняли сторожи крымские, которые стерегут от нагай, да и того чают: нечто будет за ними погоня была». Событие имело место или 25 февраля 1524 г., или вскоре после этой даты.

«А про Останю, сказывают, не слыхали. А пришли, сказывают, после розгони, Миша с товарищы на первой ташлык от Конской воды²⁷ в пятницу на зборной неделе. Да нашли, сказывают, стан, – люди стояли перед ними ден за пять, за шесть. И тут, на стану том, покинуты две коробьи, а в них спуски птичьи да кипы резаны ужища, да рогожи, да и сани метаны и хомуты, да мешки холщовые. И они потому угадывают, что то Останя стоял да клался с саней на вьюки. Да шли, сказывают, оттоле верст с пять, да нашли котлик покинут – худ медян. И оттоле

²⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 9 об.

²⁶ Там же. Л. 104–105, 106 об.

²⁷ Конские воды (Илкысу) – ныне р. Конка, ранее левый приток Днепра, теперь впадает в Каховское водохранилище в Запорожской области.

пошли, – ино порошка была пала; да учили сходить – ино ископытъ и встречу есть. И Миша с товарицы и того угадывают: нечто, деи, будет их розгоняли»²⁸. «Зборная неделя» (Соборная неделя) – это День всех святых, празднуется в 8-е воскресенье после Пасхи. Пасха в 1524 г. была 27 марта, следовательно, День всех святых – 22 мая, событие же имело место 20 мая 1524 г.

«Да назавтрее (21 мая 1524.), сказывают, нашли след пешего человека шол, от Крыма к Самару. Да как пришли к Самару²⁹ на песок, и след у них утерялся, а oprичъ того, сказывают, на поле дороги не видали»³⁰. Всего Михаил Тверетинов с товарищами преодолел от Конских вод до Самары не менее 120 верст пешком³¹, затратив на это не менее трех месяцев.

Миссия Ивана Новосильцева

Новосильцев начал свое путешествие в столицу Османской империи 24 января 1570 г.³² В Рыльске он находился до 10 марта, т.к. сначала ожидал, когда приедут для сопровождения и охраны посольского каравана дети боярские и казаки Мишки Черкашенина и когда они получат снабжение³³. Дорога была крайне тяжелой: «а снѣги, господарь, на поле добръ велики а осеренило их с Великого мясоѣду³⁴ и с лошедами будет итти

²⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 271 об.

²⁹ Самара – река в Оренбургской и Самарской областях России, левый приток Волги (впадает в Саратовское водохранилище).

³⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 272.

³¹ Это расстояние основывается на данных «Книги Большому чертежу», в которой указано, что от Волчьих вод до Конских вод более 100 верст, а от Волчьих до Самары – 20 верст (См.: Книга Большому чертежу / подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.–Л., 1950. С. 65).

³² Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 35 об.

³³ Там же. Кн. 1. Л. 36–36 об. Отряд охранения состоял из детей боярских новгородцев (вероятно, из Новгорода Северского), путивльцев, севрюков и казаков Михаила Черкашенина. Михаил Черкашенин – казачий атаман, путивлец. Первые сведения о нем относятся к 1548 г. [13, с. 78, 124, 341–342]. Н.А. Мининков к казачьим атаманам относил и Истому Извольского, отмечая, что он был мелким тульским помещиком [Там же, с. 124]. Однако это заблуждение. Истома Извольский продолжал службу по Туле, хотя службами он и был связан с русско-крымско-османско-ногайским пограничьем. Известен летописец Извольских [4, с. 174–186]. Служебную биографию Истомы Извольского см. [18]. С.М. Маркедонов, отталкиваясь от прозвища Михаила, полагал, что он происходил из украинских земель Великого княжества Литовского [12, с. 75–78]. Погиб при обороне Пскова от Стефана Батория в 1581 г. [Там же, с. 78] (см. также: Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 193).

³⁴ Имеется ввиду зимний мясоед – время от завершения Рождественского поста до Великого поста.

вперед не мощно серень³⁵ не подымет»³⁶. Именно поэтому посольский отряд принял решение следовать далее на «саласках» до Северского Донца.

Следующая вестовая грамота Новосильцева конкретизировала способ передвижения посольства: «а шли есмя господарь не спешно потому лошадами было нам итти нелзѣ снѣги добрѣ великие, а серен лошадеи не поднял, а шли есмя, господарь, до Донца на ртах пѣши. А твою господареву казну и свое запасишко везли на саласках сами»³⁷. То есть члены посольства и сопровождающий их отряд охранения были вынуждены идти на лыжах, таща за собой сани, груженные «господаревой казной» и своими запасами. Кони же не могли идти из-за того, что наледь, сковавшая снежный покров, их не выдерживала, и они глубоко проваливались, т.к. посол констатировал, что снега выпали весьма большие³⁸.

В этих условиях посольский караван добрался до Северского Донца. Здесь они в течение недели делали каюки – речные грузовые суда, род полубарки с двускатной крышей, загнутым носом и каюткой в корме³⁹. После ждали, когда пройдет лед, что случилось «на третей неделе после Велика дни в среду»⁴⁰. Пасха (Великий день) в 1570 г. приходилась на 26 марта, третья неделя после Пасхи начиналась с 10 апреля, лед же пошел в среду 12 апреля, а 13 апреля посольский караван двинулся в путь⁴¹. Дальнейшее путешествие до Константинополя прошло без происшествий.

Возвращение Ивана Новосильцева из Стамбула

10 ноября 1571 г. в своей отписке он сообщал, что за его посольским караваном из Азова вышла погоня. Их преследовали атаман Сенка Ложников со своими казаками (80 человек), отряд казыевских ногаев и два отряда крымских татар (300 человек). Новосильцеву стало известно,

³⁵ Серен – гололедица, наст. форма написания серень соответствует калужскому говору (см.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2006. Т. 4. Р–Я. С. 217).

³⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 36 об.

³⁷ Там же. Л. 37 об.

³⁸ Это свидетельство весьма красноречиво описывает климатические изменения, вызванные вторым ледниковым периодом. Из-за этого стали меняться маршруты кочевания, в этой же грамоте фиксируется отсутствие татар на всем протяжении пути (см.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 38 об. – 39).

³⁹ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2006. Т. 2. И–О. С. 104.

⁴⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 38.

⁴¹ Там же. Л. 38 об.

что они хотят взять их в клещи и ограбить или на Дону, или уже непосредственно на границе. Погоня шла в зоне видимости, сопровождавшие караван для безопасности донские казаки регулярно докладывали об этом послу. Легко представить, какая тревога охватывала всех членов этого каравана, который состоял не только из посла, его свиты и сил охранения, но здесь шли купцы, выкупленные и освобожденные пленники, монахи, греческий поп и выезжавшие на русскую службу греки-урумляне⁴², всего 111 человек⁴³. Новосильцев сетовал на то, что далеко не все донцы согласились охранять его караван и людей для защиты было недостаточно⁴⁴. Оценивая возможность уйти от преследователей, он избрал путь на Ряжск вместо Донкова, но отмечал, что провиант им хватит только до устья р. Медведицы⁴⁵.

14 ноября 1571 г. царь Иван IV Васильевич распорядился направить из Ряжска на Воронежское устье отряд из детей боярских и казаков с подводами для встречи посольского каравана и сопровождения его в Ряжск⁴⁶. История эта закончилась благополучно. Посольский караван вырвался из готовившихся для него клещей, а Иван Новосильцев предстал перед царем с докладом в Александровской слободе 19 декабря 1571 г.⁴⁷

* * *

Итак, степная зона на протяжении конца XV и XVI вв. оставалась зоной повышенной опасности. Источники фиксируют, что Дикое поле не было «пустым», «ничейным» местом. Здесь постоянно курсировали посольские и купеческие караваны, отряды татар, ногаев и русских. Кочевали татары и ногаи, передвигались неустановленные лица и беглые полоняники. Здесь же совершались преступления, в пограничных городах процветала криминальная экономика.

Документы показывают, что через степь передвигались не только верхом на конях, но и пешком.

В ряде случаев документы фиксируют климатические изменения, вызванные малым ледниковым периодом. Это проявлялось в обильных снегах и длительном сковывании льдом снежного наста и поздним

⁴² Так называли тюркоязычных греков, проживавших в Крыму и на Кавказе.

⁴³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 49 об. – 50. Подсчеты даны без учета численности самого посольства и его охраны.

⁴⁴ Там же. Л. 50 об.

⁴⁵ Там же. Л. 50 об. – 51.

⁴⁶ Там же. Л. 51 об. – 52.

⁴⁷ Там же. Л. 56.

ледоходом на реках. Следствием этого становилась откочевка кочевников с привычных мест кочевания, что также фиксировалось изученными документами.

Проведенное исследование показывает, что в условиях слабой освоенности степного региона, низкой плотности городской сети добиться безопасности движения посольств и купцов было невозможно. Однако в рассматриваемое время русское правительство пока не перешло к политике строительства городов и укреплений в степной зоне.

Библиографический список / References

1. Аваков П.А. Османский Азов 1475–1696 гг.: топонимия, планировка и фортификационные сооружения // Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 229–243. [Avakov P.A. The Ottoman Azov of 1475–1696: Toponymy, layout and fortifications. *Oriens*. 2021. No. 2. Pp. 229–243. (In Rus.)]
2. Аверьянов К.А. Сурожане на Куликовом поле // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2024. Т. 34. Вып. 3. С. 678–684. [Averyanov K.A. Sourzohans on Kulikovo field. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 2024. Vol. 34. Issue 3. Pp. 678–684. (In Rus.)]
3. Алексеев П.В. Русский ориентальный тревелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. 2014. № 2. С. 34–46. [Alekseev P.V. Russian oriental travelogue as a genre of travel prose of the end of the XVIII – first third of the XIX century. *Filologiya i chelovek*. 2014. No. 2. Pp. 34–46. (In Rus.)]
4. Белов Н.В. Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 174–186. [Belov N.V. Chronicle notes of Russian military men of the second half of the XVI century. *Paleorosia. Ancient Rus: In Time, in Personalities, in Ideas*. 2020. No. 1 (12). Pp. 174–186. (In Rus.)]
5. Варенцов В.А. Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 31–42. [Varentsov V. A. Moscow merchants to Novgorod. *Voprosy istorii*. 1982. No. 8. Pp. 31–42. (In Rus.)]
6. Веселовский Н.И. Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII веке) // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Ч. CCLXXIII. 1891. Январь. С. 48–72. [Veselovsky N.I. Ivan Danilovich Khokhlov (Russian envoy to Persia and Bukhara in the 17th century). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1891. January. Part CCLXXIII. Pp. 48–72. (In Rus.)]
7. Гамель И.Х. Англичане в России XVI и XVII столетиях. Статья первая. СПб., 1865. (Приложение к VIII тому Записок императорской Академии Наук). [Hamel I.H. Anglichane v Rossii XVI i XVII stoletiyah. *Statya pervaya* [The British in Russia in the XVI and XVII centuries. The first article]. St. Petersburg, 1865. (Appendix to volume VIII of the Notes of the Imperial Academy of Sciences.)]
8. Кричевский Б.В. Образ Константинополя в русских средневековых путевых текстах // Университетский научный журнал. 2021. № 62. С. 49–61.

- [Krichevsky B.V. The image of Constantinople in Russian medieval travel texts. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*. 2021. No. 62. Pp. 49–61. (In Rus.)]
9. Куненков Б.А. Порядок составления дипломатической отчетности: статейный список и посольские отписки // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 59–78. [Kunenkov B.A. The procedure for compiling diplomatic reports: An article list and embassy replies. «*Chtoby ne perestala pamyat roditeley nashih i nasha, i svecha by ne ugasla...*»: k 70-letiyu Nikolaya Mihaylovicha Rogozhina. Moscow, 2019. Pp. 59–78. (In Rus.)]
 10. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. С. 319–346. [Likhachev D.S. The stories of Russian ambassadors as literary monuments. *Puteshestviya russkih poslov XVI–XVII vv. Stateynye spiski*. St. Petersburg, 2008. Pp. 319–346. (In Rus.)]
 11. Малов А.В. Состав и структура Тринадцатой крымской посольской книги (1567–1572 гг.) // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев. М., 2016. С. 4–33. [Malov A.V. Composition and structure of the Thirteenth Crimean Embassy Book (1567–1572). *Posolskaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg.* M.V. Moiseev (ed.). Moscow, 2016. Pp. 4–33. (In Rus.)]
 12. Маркедонов С.М. Казачий атаман Михаил Черкашенин // Донской временник. Ростов-н/Д., 1997. Вып. 9. С. 75–78. [Markedonov S.M. Cossack chieftain Mikhail Cherkashenin. *Donskoy vremennik*. Rostov-on-Don, 1997. Issue 9. Pp. 75–78. (In Rus.)]
 13. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-н/Д., 1998. [Mininkov N.A. Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego srednevekovya (do 1671 g.). Rostov-on-Don, 1998.]
 14. Мустакимов И.А., Сень Д.В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 172–189. [Mustakimov I.A., Sen D.V. Azov and the Don Cossacks according to the Ottoman documents of the 1560s – 1570s. *Vestnik Tanaisa*. 2012. Issue 3. 2012. Pp. 172–189. (In Rus.)]
 15. Мустакимов И.А. Из истории азовских (татарских) казаков второй половины XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 184–189. [Mustakimov I.A. From the history of the Azov (Tatar) Cossacks of the second half of the XVI century. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2017. No. 9. Pp. 184–189. (In Rus.)]
 16. Мустакимов И.А. «Не проходит и дня, чтобы не пришли известия об их выходках»: конфликты между жителями османского Азова XVI века и принимаемые меры // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 110–115. [Mustakimov I.A. “Not a day goes by without news of their antics”: Conflicts between the inhabitants of the Ottoman Azov of the XVI century and the measures taken. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2018. No. 10. Pp. 110–115. (In Rus.)]
 17. Перхавко В.Б. Гости-сурожане // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 149–153. [Perkhavko V.B. Merchants-sourozhans. *Voprosy istorii*. 1993. No. 6. Pp. 149–153. (In Rus.)]

18. Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование. URL: <https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/842.html> (дата обращения: 10.01.2025). [Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva v pravlenie Ivana Groznogo [The ruling elite of the Russian State during the reign of Ivan the Terrible]. An electronic database and historical research. URL: <https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/842.html>]
19. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия Академии наук СССР. Отдел общественных наук. VII серия. 1932. № 3. С. 193–237. [Syroechkovsky V.E. Ways and conditions of Moscow's relations with Crimea at the turn of the XVI century. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdel obshchestvennykh nauk. VII seriya*. 1932. No. 3. Pp. 193–237. (In Rus.)]
20. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.-Л., 1935. [Syroechkovsky V.E. *Gosti-surozhane [Merchants-sourozhans]*. Moscow; Leningrad, 1935.]
21. Фехнер М.В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI века // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.; Л., 1949. С. 106–124. [Fechner M.V. Moscow and its immediate surroundings in the XV and early XVI centuries. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 12: Materialy i issledovaniya po arheologii Moskvy*. Vol. II. Moscow; Leningrad, 1949. Pp. 106–124. (In Rus.)]
22. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. [Khoroshkevich A.L. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XV – nachala XVI v.* [The Russian state in the system of international relations of the late XV – early XVI century]. Moscow, 1980.]

Статья поступила в редакцию 13.01.2025, принята к публикации 06.02.2025
 The article was received on 13.01.2025, accepted for publication 06.02.2025

Сведения об авторе / About the author

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук; доцент кафедры методики преподавания истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Maxim V. Moiseev – PhD in History; associate professor at the Department of Methods of Teaching History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: maksi-moiseev@yandex.ru